

С. И. Лаврентьева.

**Изъ
автобіографіи
маленькаго
человѣка.**

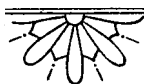
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Н а д е ж д а», Почтамтская, 13.

1909.

С. И. Лавректъева.

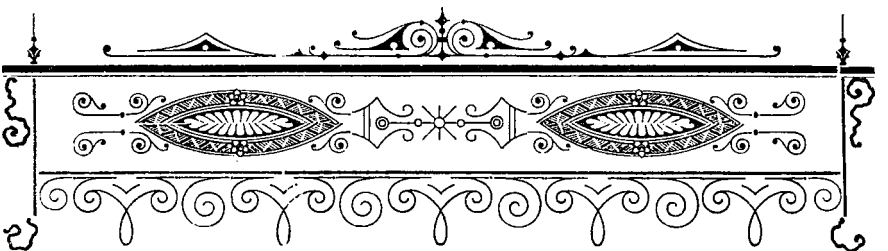
**Изъ
автобіографіи
маленькаго
человѣка.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Н а д е ж д а», Почтамтская, 13.

1909.

Изъ автобіографіи маленькаго человека.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Отдавая печати отрывки изъ автобіографіи, которую друзья мои упросили меня написать, я преимущественно хотѣла остановиться на моей литературной дѣятельности, главнымъ образомъ посвященной мною дѣтямъ, начавъ ее съ дѣтскаго разсказа, помѣщеннаго въ журналъ „Дѣтское чтеніе“ въ 1873 году.

Появленіе въ печати этого перваго моего разсказа произошло случайно, — о чемъ я разскажу своевременно, — но, встрѣченное успѣхомъ, оно было первымъ камнемъ, къ которому я, мало по малу, стала прикладывать другіе, созидавъ не храмъ, а небольшой очагъ, у котораго хотѣла погрѣть маленькія сердца, всегда любимыхъ мною, дѣтей, которымъ, въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ и отдала мое скромное перо. Года три-четыре тому назадъ, нѣкоторые изъ членовъ Комитета Литературно - музыкальнаго кружка, при Женскомъ Обществѣ, — въ которомъ и я состояла членомъ, — узнавъ, случайно о столь продолжительной моей литературной дѣятельности, задумали отпраздновать якобы мой юбилей. Но я рѣшительно его отклонила, опираясь на неподходящее вообще для празднествъ время, — по случаю грустныхъ событій войны, — и всѣмъ не симпатизируя такимъ официальнымъ торжествамъ; и тутъ же я вспомнила о другомъ юбилеѣ, бывшемъ для моего сердца несравненно пріятнѣе.

25 марта нынѣшняго года, „Русское Женское взаимно-благотво-

рительное Общество“,—гдѣ я, какъ его членъ, съ удовольствіемъ работаю съ его основанія,—по иниціативѣ почетнаго члена общества А. П. Философовой, предсѣдательницы совѣта общества А. Н. Шабановой и редактора-издательницы журнала „Игрушечка“ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, къ чему съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись другіе члены общества,—отпраздновали мою, совершившуюся въ этомъ году, 35-лѣтнюю литературную и общественную дѣятельность, самымъ трогательнымъ,—въ стѣнахъ помѣщенія общества,—семейнымъ праздникомъ, оставившимъ во мнѣ незабвенное воспоминаніе! Поднесенный отъ членовъ общества бюваръ, съ замѣчательно-художественной серебряной отдѣлкой, вмѣщалъ въ себѣ самый лестный для моей дѣятельности адресъ, украшенный превосходнымъ рисункомъ—даромъ сердечно-соединяющей насъ дружбы, нашей высоко-талантливой художницы Е. М. Бемъ.

Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда я, кромѣ прежнихъ дѣтскихъ журналовъ, какъ „Дѣтское чтеніе“ и „Семейные вечера“, уже участвовала въ журналѣ „Игрушечка“, начавъ мою тамъ дѣятельность съ первыхъ нумеровъ его появленія въ свѣтъ, тогда же дружески сойдясь съ его создательницей, Татьяной Петровной Пассекъ, съ которой непрерывно работала до самой ея смерти ¹⁾. Это было лѣтомъ. Татьяна Петровна жила на дачѣ въ Лѣсномъ, гдѣ я, до моего отъѣзда въ Крымъ, часто ее навѣщала. Въ то время въ „Игрушечкѣ“ шелъ мой длинный разсказъ „Нашъ домъ“, имѣвшій, какъ я слышала, большой успѣхъ между маленькими читателями.

— Знаешь, другъ сердечный,—сказала мнѣ Татьяна Петровна, въ одинъ изъ моихъ къ ней пріѣздовъ: у насъ здѣсь, на дворѣ, въ одной дачѣ, дѣти живутъ; страсть, какъ любятъ твои вещи читать и особенно въ восторгѣ отъ твоей повѣсти „Нашъ домъ“. Узнали, что ты у меня бываешь,—Христомъ Богомъ умоляли, чтобы я за ними послала, какъ ты ко мнѣ пріѣдешь!

И онѣ пришли—эти двѣ милыя дѣвурочки. Робко приблизясь ко мнѣ, онѣ поочереды вскинули ручки мнѣ на шею и нѣжно, прямо въ губы поцѣловали; а затѣмъ нѣсколько минутъ стояли передо мной, устремивъ на меня, съ ласковой улыбкой, свои ясные глазки. И какъ я была счастлива, отъ сознанія, что я могу прямо смотрѣть въ эти ясные, довѣрчивые глаза; думать, что я не заронила ничего дурного въ чистыя сердца „малыхъ сихъ“, которымъ посвятила мое скромное перо, согрѣтое той теплотой, что вынесла

¹⁾ Моя подробная о ней статья: „Т. П. Пассекъ“—была помѣщена въ журналѣ „Русская Старина“ въ февралѣ 1890 г.

изъ своего домашняго очага, счастливыхъ дѣтей честной, патріархальной семьи! Помню, какъ разъ, покойный Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, въ отвѣтъ на посланную мною ему статейку, писалъ слѣдующее:

„Сердечно благодарю васъ за присланную брошюрку; я уже читалъ ее ¹⁾),—но съ удовольствіемъ прочту еще разъ. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, предполагая, что у присяжнаго литератора эти воспоминанія вышли бы лучше. Въ произведеніяхъ этого рода цѣнится всего выше: искренность и теплота чувства,—а этого у васъ не занимать стать“.

Эту же лестную аттестацію слышала я и отъ почтеннаго Виктора Петровича Острогорскаго, съ которымъ мнѣ много пришлось поработать въ тѣ многіе годы, въ продолженіе которыхъ я, съ 1873 г. и до перемѣщенія журнала въ Москву, писала въ „Дѣтскомъ чтеніи“. И вотъ, повторяя, что эту теплоту, приписанную моему перу, я пріобрѣла у своего дѣтскаго очага, я и хочу слегка,—въ моихъ отрывкахъ, затронуть мои дѣтскіе годы и вынесенныя изъ нихъ воспоминанія.

I.

Я родилась въ г. Уфѣ, меньшей въ семьѣ, состоявшей до меня изъ шести человѣкъ: трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, въ годъ моего рожденія, былъ уже офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, и трехъ дочерей.

Мнѣ не было еще года, когда отецъ получилъ мѣсто председателя губернскаго суда въ г. Тобольскѣ; и въ этомъ положеніи, часто за отсутствіемъ губернатора, исправляя его должность, могъ исполнѣ показать свою гуманность и былъ благословляемъ тѣми несчастными ссыльными, дѣла которыхъ проходили черезъ его руки; а нашъ домъ былъ теплымъ очагомъ для тѣхъ интеллигентныхъ поляковъ, которые,—послѣ возстанія 1831 года, окончивъ свое тяжелое наказаніе, жили на поселеніи въ Тобольскѣ.

Сохранивъ воспоминанія съ четырехъ-лѣтняго возраста, я живо помню и симпатичнаго графа Валицкаго, когда-то блестящаго богача-аристократа, имѣвшаго свои оркестры, а теперь довольствовавшаяся мѣстомъ капельмейстера одного оркестра и дававшая уроки фортепьянной игры, въ томъ числѣ и моей старшей сестрѣ, отдыхая душой въ нашей теплой семьѣ, какъ въ родной. Помню

¹⁾ Въ журналѣ, гдѣ она была напечатана (именно „Русская Старина“).

милаго, веселаго старичка, графа Мархоцкаго, вѣчно возившагося съ нами, дѣтворой, забывая среди нашихъ ласкъ свои невзгоды и далекую семью. Моей няней была тоже полька, панни Терлецкая, дворянка-помѣщица, державшаяся у насъ въ домѣ на „господской ногѣ“. Любила она меня до обожанія; учила пѣть польскія пѣсни и нерѣдко водила съ собою въ костелъ, гдѣ, въ подражаніе ей, я усердно была себя кулачкомъ въ грудь. Мои родители, глубоко религіозные, но широко смотрѣвшіе на религію,—ничего противъ этого не имѣли; тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало мнѣ также усердно класть поклонны во время нашихъ домашнихъ молебновъ и всепопныхъ, справлявшихся на всѣ большіе праздники и обставлявшихся очень торжественно; тѣмъ болѣе, что къ намъ нерѣдко пріѣзжалъ, очень любившій отца, архіерей. Молельщиковъ на этихъ службахъ всегда было много; такъ какъ, кромѣ нашей семьи и нѣкоторыхъ знакомыхъ, тутъ присутствовала большая часть нашихъ дворовыхъ; а ихъ у насъ, съ дѣтьми было тридцать человекъ.

Не могу не упомянуть, при этомъ, о той гуманности, съ которой отецъ и мать относились къ прислугѣ; гуманности, на которую нужно было особенно указывать въ это время крѣпостнаго права! Мы, дѣти, тоже были очень ласковы и вѣжливы съ прислугой и дружили съ дворовыми ребятами. Къ характеристикѣ отца и матери прибавлю, что они были не только по тому времени,—но и опередивъ его,—образованные люди; очень начитанные, съ либеральными взглядами. Отецъ былъ друженъ съ Сперанскимъ, съ которымъ былъ въ перепискѣ. При всей своей серьезности, онъ умѣлъ быть и шутливо-острымъ, иногда пописывая и стишки. Мать была замѣчательной красавицей и была очаровательна въ обществѣ, что сохранила до старости. Помню ее, стоящую передъ огромнымъ трюмо, въ массивной рамѣ изъ краснаго дерева,—готовую ѣхать на балъ. Помню голубой бархатный уборъ, въ видѣ тюрбана, перевитый бѣлыми бусами, и легкую, тонкой работы, фероньерку, положенную посреди лба, и длинныя, грушевидныя брильянтовыя серьги въ ушахъ. Мы стоимъ кругомъ нея и любуемся ею и гордимся ею и чувствуемъ, что она все же наша, и что, вернувшись съ бала, она непременно зайдетъ къ намъ въ спальню, и всѣхъ перекреститъ, въ нашихъ бѣленькихъ кроваткахъ и каждому сунетъ подъ подушку гостинчикъ! И когда, сквозь сонъ слышишь, этотъ тихій, какъ вздохъ, шелестъ ея шаговъ; ощущаешь, какъ она наклонится надъ тобой; сунетъ тихо-тихо, руку подъ подушку; лѣнь пробудиться совсѣмъ; и такъ хорошо тебѣ въ этомъ полу-бытіи и сознаніи, что тебя любятъ!..

Наша семья была совершенно типомъ патриархальной русской семьи того времени, со всѣми ея традиціями. У насъ соблюдались всѣ исконные, старинные обычаи, вошедшіе въ плоть и кровь. Весь великій постъ мы постились, даже дѣти, при чемъ первую, четвертую и послѣднюю недѣлю даже безъ рыбы. Въ среду на четвертой—„крестопоклонной“, недѣлѣ,—у насъ пеклись изъ здобнаго, на постномъ маслѣ, тѣста, кресты, во внутренность одного изъ нихъ запекался серебряный пятакъ; и съ какимъ трепетомъ сердца и осторожностью, каждый взламывалъ свой крестъ и какъ счастливъ былъ нашедшій его у себя счастливецъ! Въ день начала весны, девятого марта,—пекли у насъ, изъ такого же тѣста жаворонковъ; при чемъ дѣлали матку съ широкими, растопыренными крыльями, на каждомъ изъ которыхъ лѣпились крошечные—жаворонята. Съ этими жаворонками въ рукахъ, мы бѣгали по комнатамъ, дружно выкрикивая: „жаворонки прилетѣли“!

Въ вербную субботу, тѣ вербочки, съ которыми стояли у всенощной, приносились домой, и ими тихонько похлопывали дѣтей по спинѣ, приговаривая: „Верба хлестъ, бей до слезъ, на доброе здоровье“. А въ великій четвергъ, послѣ стоянія у всенощной, за чтеніемъ двѣнадцати Евангелій,—старались донести съ огнемъ свѣчи, чтобы отъ этого огня зажечь теплившіяся передъ образами лампы, которыя передъ тѣмъ нарочно тушили. Страстная недѣля была посвящена приготовленіямъ разныхъ пасхальныхъ снадобій, въ разнообразіи и огромномъ количествѣ, какъ для господъ, такъ и для дворни. Мы, дѣти, изошрялись въ крашеніи яицъ, употребляя: разноцвѣтные лоскутки, луковые перья, листья березовыхъ вѣнковъ, синюю сахарную бумагу и пр. Большинство яицъ красили краснымъ сандаломъ, такъ какъ позднѣйшихъ, разноцвѣтныхъ красокъ и порошковъ тогда еще не существовало. Катанье яицъ на Пасхѣ у насъ практиковалось.

Коснувшись игръ, скажу, что мы вообще любили игры и не гнушались ими, какъ большинство нынѣшнихъ дѣтей. Мы, дѣвочки, очень любили и долго играли въ куклы, пріучаясь на нихъ и шить; изошряя свой вкусъ, въ отдѣлкѣ ихъ комнатъ, или устройствѣ ихъ садовъ, на окошкахъ, намъ для того отводимыхъ. Вмѣстѣ съ братьями или съ приходившими къ намъ маленькими гостями, мы заводили болѣе шумныя игры, какъ: „Весь туалетъ“,—„жмурки“,—„веревочка“, „кошка и мышка“, „краски“ и пр. А затѣмъ игра въ „дорогу“, когда изъ опрокинутыхъ стульевъ устраивались сани, въ которыя, предварительно сильно закутавшись, усаживалась дорожная семья. Кучеръ очень искусно управлялъ тройкой, изображаемой тоже стульями, при чемъ, подгоняя ихъ, исправлялъ и должность бубенчи-

ковъ, звонко выкрикивалъ: „динь-делнь-динь, делнь-динь, динь-динь“. Самый интересъ заключался въ дорожныхъ происшествіяхъ, причемъ фантазія разыгрывалась самымъ разнообразнымъ проявленіемъ!

Что еще нами сильно любилось, помимо удовольствія развивая и фантазію,—то были сказки, особенно когда ихъ рассказывала мамаша, имѣвшая особенный даръ вкладывать въ нихъ, помимо поэзіи, много таинственнаго и сердечнаго! Сколько слезъ пролили мы, слушая раздирательные вопли братца „Алешеньки“, взывавшаго къ сестрицѣ „Аленушкѣ“: „Кипятъ котлы киучіе, точатъ ножи булатные“... Съ какимъ интересомъ слѣдили мы за походомъ „Пирожка-колобка“, что былъ: „На маслѣ печенъ, на сметанѣ мѣшенъ“... Сколько было смѣху при всѣхъ неудачахъ „Ивана-дурачка“, не смотря на его глупость, искренне нами любимаго! А тамъ вставали другія: „Коть въ сапогахъ“,—„Милонѣга-бѣлоручка, васильковый глазокъ“,—„Мальчикъ съ пальчикъ“,—„Семьсимеоновъ“,—„Конекъ-Горбунокъ“,—авторъ котораго былъ хорошо знакомъ моимъ родителямъ и пр.

На меня особенное, совсѣмъ отличное отъ другихъ сказокъ, впечатлѣніе, производила одна, названіе которой, также какъ и ея подробное содержаніе,—я не помню. Помню только, что была въ ней рѣчь о странствіяхъ какого-то витязя; и въ этихъ странствіяхъ большую роль,---какъ бы непремѣнный припѣвъ,—играла фраза, произносимая мамашей особенно таинственно, немного на-распѣвъ: „Я-асно, ясно небо чи-и-стое... Ыдетъ, ѣдетъ добрый мѣ-о-лодець“!.. Эта фраза охватывала мое маленькое сердце чѣмъ-то грустнымъ и въ то же время таинственнымъ; и вмѣстѣ такимъ поэтическимъ, чего я не могла тогда еще понять, ни оцѣнить, но что инстинктивно затрогивало фантазію и манило вдаль и въ-высь; что было схоже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое гораздо позже произвела на меня картина Васнецова „На распутьи“... И я потомъ, уже лежа въ своей бѣленькой постелькѣ, еще думала объ этомъ „добромъ мѣлодцѣ“... Въ моемъ воображеніи такъ ясно рисовался его темный силуэтъ на ясномъ, еще окрашенномъ желтымъ закатомъ вечернемъ небѣ, и я засыпала, отъ души пожелавъ ему добраго пути!..

II.

Теперь мнѣ придется упомянуть еще о нашихъ праздничныхъ увеселеніяхъ и прежде всего о елкѣ, которая бывала всегда въ сочельникъ.

Въ этотъ день мы постились „до звѣзды“ (такъ же, какъ въ кре-

щенскій—„до воды“, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпивали принесенную, послѣ освященія въ церкви воду). Проголодавшись, мы, дѣти, бывало безпрестанно подбѣгали къ окну посмотри́ть: не появилась ли на небѣ звѣзда?—Радостно превозгласивъ ея появленіе, мы затѣмъ садились за обѣдъ, конечно постный, даже безъ рыбы, пирожнымъ, къ которому служили пышки съ медомъ, или левашники съ макомъ.

Всѣ украшенія къ елкѣ дѣлались у насъ дома и были очень незатѣйливы; безъ тѣхъ вычурныхъ гирляндъ и прочихъ пестрыхъ украшеній, только портившихъ красоту деревца. Наша хорошенькая елочка, стоявшая на деревянной подставкѣ, на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, украшалась только свѣчами и мѣшечками, искусно, самимъ отцомъ, вырѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги такимъ образомъ, что они имѣли видъ продолговатыхъ, прозрачныхъ сѣтокъ, наполненныхъ: миндалемъ, изюмомъ, шепталой (называвшейся въ Сибири—урюкомъ) и прочими сладостями. Было и нѣсколько висѣвшихъ, румяныхъ яблочковъ, составлявшихъ въ Тобольскѣ,—при его климатѣ, гдѣ яблоки росли въ оранжереѣ,—большую драгоцѣнность. Подъ елкой, на скатерти, были разложены незатѣйливые, дѣтскіе подарочки, доставлявшіе намъ громадное удовольствіе! Введенные отцемъ въ зало, гдѣ весело свѣтилась наша елочка, мы, раньше чѣмъ подойти къ ней, должны были встать, передъ висѣвшимъ въ углу комнаты, образомъ и, хоромъ, пропѣть рождественскіе гимны. При этомъ нужно замѣтить, что хотя стояли мы чинно, но, кто-нибудь, старательно вытягивая: „Дѣва днесъ Пресу-ще-ственнаго рож-да-а-а-етъ“... невольно косился на весело сіявшее дерево!

На этой рождественской недѣлѣ, или, „святкахъ“ производились особенныя, святочные игры; какъ: „рублѣкъ“,—„Курилка-мурилка“ и пр. А тоже святочные гаданья.

Такъ же патріархально соблюдались у насъ и семейные праздники, дни рожденія и именинъ отца и матери, къ которымъ мы всѣ готовили, сообразно своимъ силамъ, подарочки и выучивали стихи. Но этимъ торжество не кончалось и состояло въ вечернемъ спектаклѣ, для чего такъ удобна была наша большая, въ два свѣта, зала, поддерживаемая толстыми бѣлыми колоннами, ярко освѣщенная и уставленная рядами стульевъ. Гости сѣзжаются рано и размѣщаются передъ тихо-колыхавшейся занавѣсью. Слѣдуетъ музыкальная интермедія, или на роялѣ, стоявшемъ въ залѣ или,—если послѣ спектакля предполагался балъ,—то оркестра, помѣщенного на хорахъ. Играли кромѣ нашихъ и другія знакомыя дѣти, а ренетиціями завѣдывалъ тотъ изъ родителей, кто не былъ винов-

никомъ торжества, приготовляя сюрпризъ для другого. Конечно, были иногда маленькіе, несподованные инциденты, какъ напр. слѣдующее. Въ одной пьесѣ, гдѣ братъ Саша игралъ старика, съ роскошной, сѣдой, сдѣланной изъ пакли бородой и устало лежалъ въ лѣсу, составленномъ изъ растеній въ кадкахъ, вынесенныхъ изъ нашей оранжереи;—у него въ корзинѣ лежали, якобы набранные имъ грибы, которые нашъ поваръ, Родивонъ, очень искусно сдѣлалъ изъ тѣста. Но когда почтенный старецъ хотѣлъ показать ихъ маленькой пастушкѣ,—сестрѣ Лизѣ—грибовъ въ корзинѣ не оказалось; такъ ихъ, съ аппетитомъ, скушала, незамѣтно подкрававшаяся, собака Дѣмка, привлеченная вкуснымъ запахомъ печенаго хлѣба!.. Спектакли эти были первыми проблесками, развившимися въ послѣдствіи мою страсть къ театру, увлекающая то оперными, то драматическими спектаклями. Въ описываемое время, я еще не была готова для театральнаго роля, и мой дебютъ, пяти-лѣтней каплюги, состоялъ только изъ русской пляски, въ полномъ русскомъ костюмѣ,—въ красномъ сарафанѣ съ голубой повязкой,—и въ произнесеніи соотвѣтственныхъ случаю стиховъ. Но, этотъ вполне успѣшный дебютъ имѣлъ неудачный финалъ. Упоевая своимъ успѣхомъ, я испросила разрѣшеніе остаться до конца бала, т. е. дожидаться ужина, предполагавшагося въ 12 часовъ. Вначалѣ заинтересованная танцами и музыкой, я, подъ конецъ, стала уныло слоняться между большими, все болѣе удаляясь. Заглянула и въ столовую, гдѣ толпа слугъ приготовляла столъ для ужина; кинула полу-сонный взглядъ на соблазнительныя пирамиды разноцвѣтнаго мороженаго и, незамѣтно очутилась въ спальнѣ мамы, этой уютной, голубой комнатѣ, освѣщенной всяческой лампой; съ этимъ нѣжнымъ, бронзовымъ голубкомъ, поддерживавшимъ голубой пологъ кровати и привѣтливо-манящимъ, голубымъ диванчикомъ... Отчего же и не отдохнуть немножко, въ ожиданіи ужина?.. Музыка доносится издали такъ мягко и нѣжно.. Голубокъ, кажется, спускается ниже, прямо ко мнѣ... А лампа немного потускла... Музыка все тише... Голубокъ совсѣмъ слетѣлъ... Тронулъ меня...

— Софичка, пойдемъ баньки! Дай я тебя раздѣну! Слышу я нѣжный голосъ мамы...

Я проспала ужинъ!..

Мнѣ не было еще шести лѣтъ, когда мы выѣхали изъ Тобольска. Отцу выходило значительное мѣсто въ Петербургѣ, и онъ, не рассчитавъ, что сильно разстроивъ свое здоровье климатомъ Тобольска, мѣнялъ его не на лучшій,—поспѣшилъ этимъ воспользоваться, имѣя главное въ виду опредѣленіе въ заведенія Петербурга двоихъ мальчиковъ и желаніе быть тамъ и со старшимъ сыномъ. Для

этого часть пути мы должны были сдѣлать вмѣстѣ; а затѣмъ, онъ, съ мальчиками, двинется прямо въ Петербургъ, а мы, дѣвочки съ мамашей, пройдемъ въ Уфу, чтобы продать бывшее у насъ тамъ, подъ городомъ небольшое имѣніе и ждать устройства отца въ Петербургъ.

Можно себя вообразить сборы большой семьи, поднимавшейся на далекій путь, съ тѣмъ комфортомъ, безъ котораго трудно было себя представить путешествіе того времени: съ прислугой, массой вещей, провизіи; въ нѣсколькихъ тяжелыхъ возкахъ, съ ночевками на станціяхъ и все на лошадяхъ, такъ какъ въ то время въ Россіи не существовало ни одной желѣзной дороги; и при томъ путешествіе зимой, при 40° сибирскихъ морозовъ! За то, какъ хорошо были заморожены пельмени, будто орѣхи, сыпанные въ мѣшки; и на станціяхъ, разогрѣваемые, ѣхавшимъ съ нами поваромъ, были вкуснѣй и сочнѣй. Въ такомъ же замороженномъ видѣ ѣхали съ нами и щи, которыя, по мѣрѣ надобности, раскалывались топоромъ.

Не буду описывать нашу дорогу, ни первое время пребыванія въ Уфѣ, куда къ намъ пришло тяжелое извѣстіе о кончинѣ въ Петербургъ отца, застарѣлая болѣзнь котораго быстро развилась въ еще болѣе неблагоприятномъ климатѣ Петербурга;—прямо перейдя къ нашему, по окончаніи всѣхъ въ Уфѣ дѣлъ,—отъѣзду въ Петербургъ и къ одному изъ самыхъ драматичныхъ моментовъ въ моей жизни....

III.

Надо сказать, что насъ, дѣтей, не начинали учить такъ рано, какъ это практикуется съ нынѣшними дѣтьми. Ровно въ шесть лѣтъ, отслуживъ въ самый день рожденія, молебень,—на другой же день, наша первая учительница, мамаша, садила ребенка за азбуку; и когда выучивался читать безъ складовъ,—которые были непремѣнны при той методѣ,—то переходилъ къ учителю.

Я, хотя и была бойкой болтушкой, училась лѣниво и ненавидѣла свою толстую азбуку, несмотря на то, что она была въ красной глянцевиой обложкѣ и полна ярко-раскрашенными картинками. Нужно при этомъ замѣтить, что раскраска ихъ была произведена такъ небрежно, что желтыя, синія и красныя полосы совершенно произвольно протягивались черезъ весь рисунокъ; такъ что у Авраама, смиренно приносившаго въ жертву Исаака,—полълица было ярко-синее, дружно сливавшееся съ его синей одеждой

и таковой же бородой; а полъ-лица—кирпично-розовое, захватившее и его вострепанныя кудри. Чтобы избѣгнуть урока, я часто пускалась на всевозможныя выдумки. Разъ даже,—показавъ дремавшій во мнѣ драматическій талантъ, — прикинулась сумашедшей; и до того удачно, что страшно напугала сестеръ, бросившихся къ мамашѣ, съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Однако мамаша усомнилась въ разстройствѣ моихъ умственныхъ способностей, и ненавистная азбука появилась въ залѣ, на столѣ. И вотъ, это та самая лѣнь, мѣшавшая моимъ успѣхамъ въ чтеніи и дальше, чѣмъ слѣдовало, державшая на складахъ, и привела меня къ такому моменту, который можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ драматичныхъ въ моей жизни!

Сборы въ Петербургъ сопровождались безконечными о немъ разговорами и рассказами; и я, подъ конецъ, стала воображать себѣ его какимъ-то сказочнымъ Эльдорадо, гдѣ все блистательно-чудесно; гдѣ, почти, какъ въ сказкахъ: въ кисельныхъ берегахъ текутъ медовыя рѣки и сбываются всѣ желанія! Подъ такими впечатлѣніями я, не задолго до нашего, изъ Уфы, отъѣзда, помню себя, въ теплый, августовскій день, стоящую на зеленомъ дворѣ нашего дома, любопытно слѣдя за работой мастера, отдѣлывавшаго заново карету, предназначавшуюся собственно для насъ. Еще разъ проведя артистической кистью по блестящей, какъ зеркало, лакированной поверхности экипажа,—мастеръ, съ гордостью, отошелъ въ сторону, проговоривъ именно эти слова: „Ишь, блеститъ, какъ зеркало!“ Да: она блестѣла, какъ зеркало, цѣликомъ отражая мою крошечную фигурку...

И вдругъ, въ эту минуту, вспомнивъ о томъ, что въ этой каретѣ мы поѣдемъ въ волшебнo-сказочный Петербургъ,—меня, будто ударъ грома, поразила мысль, что я ѣду въ это Эльдорадо, не умѣя читать безъ складовъ!.. Не знаю, какихъ размѣровъ было тогда мое сердце; но оно заныло такой тоской; сознаніе это показало мнѣ такъ ужасно, что я почувствовала себя глубоко-несчастной! И, еще недавно считая почти невозможнымъ,—до того казалось труднымъ,—читать не по складамъ,—теперь, приложивъ все стараніе, я, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, именно къ нашему отъѣзду, могла уже бѣгло читать безъ складовъ, и уже, съ большей смѣлостью вѣхала, черезъ Триумфальныя ворота московской заставы въ баснословный, въ моихъ дѣтскихъ мечтахъ, — Петербургъ!

Теперь мнѣ предстоитъ рассказать, какъ я окончательно одолѣла грамоту, укрѣпившись въ писаніи, которое до того времени хромяло; въ то же время положивъ первое основаніе для зданія будущей

писательницы; эпизодъ, могущій носить названіе: „Какъ я начала писать“.

Первое лѣто по прїѣздѣ въ Петербургъ, мы жили на дачѣ въ Петергофѣ, такъ какъ меньшій братъ, Саша, поступившій въ 1-й кадетскій корпусъ, въ первый разъ шелъ въ лагерь, и мамашѣ хотѣлось быть вблизи его. Въ одинъ прекрасный день, мы всѣ осматривали знаменитую, гранильную Петергофскую фабрику. Я разсѣянно слушала нашего проводника, какъ вдругъ глаза мои остановились на цѣлой грудѣ, небрежно брошенныхъ, крошечныхъ тетрадочекъ, красно-оранжеваго цвѣта, между полу-прозрачными листками которыхъ, до того, хранилось листовое, сусальное золото. Проводникъ, замѣтивъ мой, такъ выразительно говорившій взоръ,—подарилъ мнѣ кипу этихъ соблазнительныхъ тетрадочекъ, и я съ восторгомъ несла ихъ домой.

— Что же ты съ ними будешь дѣлать?—спросила меня дорогой старшая сестра, уже окончившая дома свое воспитаніе. Надо въ нихъ, что-нибудь писать!

„Что нибудь писать!..“ Легко было ей, давно писавшей свой дневникъ, сказать такія слова!.. Но отчего же и мнѣ не писать дневникъ? Но, что писать? Какъ писать?.. Меня, крошечнаго человека, часто укоряли за обѣдомъ за то, что я мало ѣмъ... Чего же лучше? — Такъ я докажу имъ, что я все ѣмъ и много ѣмъ! Вопросъ былъ рѣшенъ и, на другой же день, на красно-оранжевыхъ страничкахъ, кривыми, косыми, немного расплывшимися и бѣжавшими то внизъ, то вверхъ,—буквами, было написано: „Пять ложекъ супу скушала. Семь кусочковъ тетерки скушала“, что было, кромѣ изложенія совершившагося, примѣненіемъ перваго опыта самостоятельнаго математическаго изученія, — никогда, увы, — не пустившаго во мнѣ глубокихъ корней!.. Счетъ велся очень добросовѣстно; и, хотя сюжетъ для дневника былъ не достаточно интересенъ; тѣмъ не менѣе, дѣло стояло за себя и дневникъ произвелъ эффектъ! Но скоро я пришла къ заключенію о слишкомъ бѣдномъ его содержаніи, и онъ былъ оставленъ; а, вмѣсто того, на красно-оранжевыхъ страничкахъ появился романъ!.. Романъ этотъ тоже остался безъ окончанія и совсѣмъ погибъ для потомства; но я смутно помню, что тамъ фигурировали какія-то великосвѣтскія дамы, въ раззолоченныхъ салонахъ.

Страстно полюбивъ чтеніе, я просто глотала книги, среди которыхъ у меня были такія любимицы, что я, читая ихъ безъ счету разъ, подъ-конецъ знала наизусть. Особенно увлекалась я всѣмъ таинственнымъ, какъ древніе замки съ ихъ рыцарями и романическими приключеніями. Но зачитывалась и книжками тогдашнихъ

дѣтскихъ журналовъ, какъ „Звѣздочка“ и „Лучи“; а въ десять лѣтъ начала читать романы, въ перемежку со сказками, какъ русскими, такъ и французскими. И, рядомъ со всѣмъ романтизмомъ и фантазіей, поглощаемыми мною изъ этихъ книгъ, я, укромно усѣвшись въ уголку, часами просиживала неподвижно, жадно вслушиваясь въ житія святыхъ, читаемая вслухъ мамашѣ жившей у насъ, бѣдной вдовой, изъ огромной, въ деревянномъ, обтянутомъ темной кожей, переплетѣ, книги Четы-Минеи. И мое воображеніе ярко рисовало себѣ этихъ святыхъ аскетовъ, съ экстазомъ шедшихъ на муки за Христа; и въ моей душѣ тоже вспыхнуло желаніе пострадать за Христа; и, разыгрываясь, воображеніе рисовало мнѣ уже мои собственные муки и такъ ярко, что иногда я проливала слезы уже надъ собой.

Но въ праздники приходили знакомыя дѣти; моя прежняя живость пробуждалась, а фантазія, ища пищи, сосредоточивалась теперь на излюбленной игрѣ, замѣнявшей другія. Это была страсть устраивать вполнѣ импровизированные спектакли; при чемъ я, тутъ же, сочинивъ сценки, со словъ заучивала ихъ моей маленькой труппѣ, и мы тотчасъ же ихъ разыгрывали, часто не имѣя другой публики, какъ мамашина лектриса и двѣ наши горничныя, что не уменьшало нашъ театральныи пылъ.

Первымъ настоящимъ спектаклемъ, видѣннымъ мною на настоящемъ театрѣ, въ первый годъ по приѣздѣ въ Петербургъ, была опера Мейербера „Робертъ“, дававшаяся на русской сценѣ. Этотъ спектакль произвелъ на насъ, дѣтей, чарующее впечатлѣніе. Конечно, мы тогда еще не могли дать себѣ отчета въ отношеніи красоты музыки и исполненія, хотя роль Бертрама исполнялъ Петровъ, бывшій въ полной силѣ своего могучаго голоса и артистическаго таланта. Былъ моментъ,—именно тогда, когда, взамѣнъ опусканія занавѣса, сцену стали застилать густыя облака,—что мнѣ стало жутко, что во мнѣ возникло желаніе отправиться домой... Но, пересиливъ свой страхъ,—я была вполнѣ вознаграждена блистательнымъ балетомъ грѣшныхъ дѣвъ, появившихся изъ гробницъ стараго кладбища. Этотъ балетъ завершилъ восторгъ; и долго, послѣ того, по вечерамъ, передъ сномъ, уже нолу-раздѣвшись, мы изображали изъ себя этихъ дѣвъ; при чемъ особенно отличалась сестра Луиза, дѣвочка очень граціозная, выдѣлывавшая невозможные пируэты на тюфякѣ, распуская при этомъ свои длинные густые волосы.

Съ этой поры театръ сталъ моей мечтой; и въ праздничные дни, мамаша не могла сдѣлать намъ большаго удовольствія, какъ взять ложу въ театръ, что потомъ сосредоточилось на Александрин-

скомъ театрѣ. Плеяда артистовъ Александринскаго театра была въ то время замѣчательной, что мнѣ пришлось оцѣнить, конечно, нѣсколько позднѣе. Вотъ колоссъ—красавецъ Каратыгинъ 1-й, съ его нѣсколько приподнятымъ паеосомъ, но безспорно, большимъ драматическимъ талантомъ, особенно въ сильныхъ роляхъ, къ которымъ такъ шла его величавая фигура и пластическія позы. Помню, какъ поразилъ онъ и восхитилъ меня, въ поставленной въ его бенефисъ очень интересной драмѣ „Бенвенуто Челлини“, изъ романа Дюма: „Асканіо“, въ которой онъ вполнѣ олицетворялъ гиганта-скульптора, одинаково геніальнаго и въ лѣпкѣ боговъ и героевъ, и въ миніатюрной, изящной ювелирной работѣ. Эта драма, вообще, была блистательно обставлена всѣми силами труппы. Орлова, артистка московскаго театра, вполнѣ подходила къ ревнивой, жестоко-мстительной графинѣ д'Этампъ. Нельзя было болѣе тонко и изящно исполнить небольшую роль, изнѣженнаго короля Франциска I—какъ это понималъ Максимовъ 1-й, этотъ умный, тонкій, образованный артистъ; равно умный и изящный, какъ въ драматическихъ, такъ и въ легкихъ роляхъ. Сколько граціи, ума и сердца было въ игрѣ Вѣры В. Самойловой 2-й, исполнявшей роль молочной сестры Бенвенуто-Сканцоне! Тогда же, въ этой пьесѣ, дебютировала юная хорошенькая брюнетка—Читау. позднѣе прославившаяся на драматическихъ роляхъ, создавъ незабвенный типъ Дуни, въ комедіи „Не въ свои сани не садись“,—и передавшая свой талантъ своей дочери, Маріи Мих. Читау. А далѣе: двое Самойловыхъ,—Надежда, съ ея забористымъ весельемъ, какъ въ игрѣ, такъ и въ пѣніи; и Василій В. этотъ, по истинѣ геніальный артистъ, равно превосходный въ комедіи и драмѣ и даже классической трагедіи. А рядомъ другой геніальный артистъ—Мартыновъ, этотъ истинный, не ходульный комикъ, избѣгавшій всякаго шаржа, всякаго дешеваго эффекта на потѣху райка; комикъ, не разъ заставлявшій публику плакать; комикъ, силою своего таланта, создавшій позже типъ, потрясавшій своимъ драматизмомъ, въ родѣ станціоннаго зрителя въ комедіи „Не въ свои сани не садись!“

Далѣе: Гусева, двое Смирновыхъ, Каратыгинъ 2-й, Сосницкій и пр. Да, это было хорошее время! Тогда и вообще, наше искусство, во всѣхъ его проявленіяхъ, бодро шло впередъ, рождая новые таланты, которые работали, а не размѣнивались на гроши; когда мы и на академическихъ выставкахъ прохаживались часами, переживая пѣрежитое и перечувствованное художниками; когда у насъ была и историческая живопись и бытовая, идейная, не обозначающаяся только „Мальчикомъ съ книгой“, или „Дѣвочкой съ куклой“; когда

бездарность не прикрывалась пошлостью и безобразіемъ, такъ называемыхъ „декадентскихъ“ картинъ; и незнаніе рисунка и всего остального не старалось драпироваться въ слишкомъ дырявый плащъ, именуемый ими „настроеніемъ!“...

IV.

Я не буду, конечно, останавливаться на моемъ воспитаніи въ Институтѣ¹⁾, гдѣ я провела всего четыре года, поступивъ уже достаточно подготовленной и оставаясь до выпуска. Скажу только, что моя литературная дѣятельность имѣла широкое поле въ старшемъ классѣ, во время задачи намъ сочиненій; такъ какъ я, кромѣ своего—всегда получавшаго, отъ преподавателя, одобренія,—должна была пять-шесть и болѣе, писать сочиненій для подругъ, лишенныхъ фантазіи, считаясь въ классѣ одной изъ „знаменитыхъ сочинительницъ“. Русская литература была моимъ любимымъ предметомъ, преимущественно поэзія, и я, владѣя прекрасной памятью, съ необыкновенной легкостью, заучивала стихи и помимо задаваемыхъ, какъ раньше, въ дѣтствѣ, для личнаго удовольствія, заучивала басни Крылова. Собственные мои стихи появлялись на свѣтъ, въ совершенно подходящій для того возрастъ, именно въ 16 лѣтъ и хотя были до крайности наивны, но все же положили начало ихъ безконечной пледѣ.

Послѣ выпуска, я, большая домосѣдка, еще съ большею страстностью накинулась на чтеніе, упиваясь тѣми перлами беллетристики, которыми была такъ богата тогда наша литература. Даже и теперь встрепенется сердце, какъ вспомнишь тѣхъ гигантовъ, послѣднихъ Могиканъ, что вносили въ сокровищницу эти перлы.

Каждая книжка „Современника“, „Отечественныхъ записокъ“, даже Катковского „Русскаго вѣстника“, куда помѣщаль свои повѣсти и романы И. С. Тургеневъ,—приносила намъ массу наслажденій. Тогда билъ ключъ живой воды изъ-подъ пера Л. Н. Толстого; благоухалъ чудной весной, какъ букетъ бѣлыхъ розъ, опрысканныхъ утренней росой,—талантъ И. С. Тургенева; оставя въ сторонѣ великосвѣтскіе салоны, Д. В. Григоровичъ показалъ намъ людей

¹⁾ „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ“ (Смольный).

(хотя и смахивавшихъ немного на оперныхъ „пейзановъ“) въ своихъ „Рыбакахъ“. Смѣло взошелъ въ самые укромные уголки нашей души, какъ искусный хирургъ, со своимъ скальпелемъ,—„мучительный“ талантъ Ѳ. М. Достоевскаго... А далѣе: Глѣбъ Успенскій, Гончаровъ, Помяловскій, Писемскій, Авдѣевъ,—всѣ эти, что проводили передъ нами живые образы живыхъ людей, не вымазывая ихъ грязью „Со дна“ помойной ямы; не напуская на нихъ затхлаго „тумана“, или погружая въ „бездну“ мерзости,—чтобы этимъ заставить ихъ полюбить; но которыхъ мы любили и понимали, какъ умѣли любить и понимать люди этого времени, идеалисты 40-хъ годовъ!..

И мы жили съ этими образами; мы переживали всѣ ихъ страданія; мы видѣли въ литературѣ не *passé-temps* и не ходячую тенденцію,—а нѣчто такое, что насъ подымало изъ болота низменныхъ человѣческихъ страстей; внушало мысли о поднятїи человѣка изъ болота, и рождало людей 60-хъ годовъ, людей, имѣвшихъ идеалы; умиравшихъ за идею, а не желавшихъ подъ видомъ любви къ „меньшей братїи“—„ловить рыбу въ мутной водѣ!“...

Прежде чѣмъ перейти къ первому появленію въ свѣтъ моихъ твореній, я должна нѣсколько остановиться на моемъ пребываніи въ рисовальной школѣ „Общества поощренія художествъ“¹⁾ — какъ потому, что она,—какъ будетъ видно далѣе,—отчасти сыграла для нихъ ту роль, которую сыграли „красно-оранжевыя“ тетрадошки, толкнувшія меня впервые на поприще писательницы хотя бы и не интереснаго дневника;—такъ и потому, что она дала мнѣ случай познакомиться съ нѣкоторыми интересными личностями. Начну съ того, что рисованіе съ самаго дѣтства было моимъ излюбленнымъ занятіемъ гораздо раньше писательства; и я практиковала его всѣми способами, начиная съ рисованія цѣлыхъ исторій, избранныхъ мною героевъ, изощряя свою фантазію и разрисовывая все это красками. Не получивъ никакой правильной методы рисованія въ институтѣ, гдѣ оно тогда преподавалось очень неумѣло, я все же, послѣ выпуска много рисовала дома, надъ копировкой мелкихъ вещей съ тонкихъ гравюръ, а также много рисуя перомъ, что мнѣ потомъ очень пригодилось, когда въ рисовальной школѣ, пройдя всѣ классы, съ натурнымъ включительно, —

¹⁾ Моя подробная статья о рисовальной школѣ,—по случаю 50-лѣтія,—была помѣщена въ ноябрѣ 1889 г. въ журналѣ «Русская Старина».

и выбрала своею спеціальностью ксилографію или гравюру на деревѣ.

Рисовальная школа помѣщалась тогда еще на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи Биржи (у Дворцоваго моста) и не отличалась той щеголеватостью и грандіозностью, какъ нынѣшняя. Въ ней не было такого богатаго запаса моделей, орнаментовъ и всего прочаго,—но то была хорошая школа, гдѣ ученицы занимались не отъ нечего дѣлать, похोдивъ мѣсяца два-три да и бросивъ;—но занимались серьезно, всецѣло отдавшись искусству, составляя одно цѣлое съ нашими преподавателями—и какими преподавателями!... И что у насъ были за бесѣды въ свободное время! Мы разбирали и искусство, со всѣми, проходившими передъ нашими глазами, его представителями и ихъ произведеніями; и музыку и литературу, слѣдя за всѣми новинками. Мы толковали, спорили, приходили въ экстазъ. Поднявъ вопросъ о какой-нибудь, только-что появившейся на выставкѣ картинѣ, и не рѣшивъ его заглядно,—мы на-скоро одѣвались и бѣжали или въ академію, или на постоянную выставку, бывшую тутъ же въ зданіи Биржи и, вернувшись спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, принимались за работу. Набрасывая свои мазки, или наливая „мокрый соусъ“ на бумагу, мы восторгались Кальцолари или Тамберликомъ; разбирали „Отцы и дѣти“, съ только-что воцарившимся Базаровымъ; мы говорили обо всемъ,—кромѣ модъ, хотя и не были „стриженными замарашками“.

Заговоривъ о школѣ того времени, я упомянула о нашихъ преподавателяхъ. Ихъ имена сами говорятъ за себя: Крамской, Келлеръ, Горавскій, Клодтъ, Бейдеманъ, — это были величины, подъ руководствомъ которыхъ работа была истиннымъ наслажденіемъ! Бейдеманъ—былъ вполнѣ художникъ-энтузіастъ, говорившій объ искусствѣ съ экстазомъ и поклонявшійся ему съ благоговѣніемъ Весталки, поддерживающей недремотно священный огонь на жертвенникѣ своей богини. Когда онъ съ жаромъ и блескомъ въ глазахъ говорилъ объ искусствѣ, онъ вполнѣ наэлектризовывалъ, и тогда еще болѣе начиналъ любить это искусство, еще ревностнѣе хотѣлось ему отдаться! И при томъ замѣчанія его были чрезвычайно мѣткі и запечатлѣвались навсегда. Помню его восторгъ по поводу „Тайной вечера“—Гёте,—появившейся осенью 1863 г. на академической выставкѣ, куда мы, еще до открытія выставки, ходили ее смотрѣть толпой подъ предводительствомъ директора школы, Дяконова, а потомъ передавали наши впечатлѣнія Бейдеману. Восхищаясь тѣмъ, что художникъ, въ изображеніи Христа, представилъ его „энтузіастомъ“,—„Мученикомъ идеи“, готовымъ за пра-

воту своихъ убѣжденій идти „на костеръ или на Голгофу“, — онъ главное одобрялъ въ картинѣ то, что въ ней видно: „и то, что до этого было, и то, что за тѣмъ послѣдуетъ, о чемъ непременно долженъ заботиться художникъ, начиная картину“. Управляя классомъ композиціи, онъ намъ давалъ иногда очень трудно-выполнимыя задачи, вродѣ „Избіеніе младенцевъ“, но самъ, увлекаясь фантазіей, отдавалъ ей преимущество передъ рисункомъ. Помню, какъ разъ, рассматривая мой, сильно грѣшившій рисунокъ — эскизъ, на ошибки котораго я сама ему указала, онъ проговорилъ: „Всего важнѣе то, что я въ васъ вижу душу; а руки придутъ потомъ“!

Впослѣдствіи классъ композиціи, — по отъѣздѣ Бейдемана въ Крымъ, расписывать церковь Ливадіи, — перешелъ къ жанристу Клодту, очень хорошему, серьезному преподавателю, манерой котораго было, задавъ намъ тему, требовать ея первый набросокъ тутъ же, во время урока, съ дальнѣйшей выработкой дома. Передъ тѣмъ, онъ занимался съ нами живописью въ натурномъ классѣ.

Но совершеннымъ событіемъ, внесшимъ въ школу новый свѣтъ, было появленіе въ ней Крамского, для уроковъ пластической анатоміи при рисованіи съ натуры карандашомъ или растушкой. Уроки Крамского были для насъ просто откровеніемъ; мы смотрѣли на него, какъ на апостола, впервые возвѣстившаго намъ ту истину, о которой мы долго инстинктивно мечтали! Онъ былъ неутомимъ; все время урока переходя отъ одной ученицы къ другой, не переставая дѣлать замѣчанія, поразительныя по вѣрности взгляда и простотѣ изложенія, для всѣхъ понятнаго, сразу указывая на то, что отъ васъ требовалось, при томъ онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ. Его знаніе анатоміи человѣческаго тѣла было такъ превосходно, что, при первомъ взглядѣ на вашъ рисунокъ, онъ замѣчалъ малѣйшую противъ нея погрѣшность и не дарилъ вамъ ни малѣйшей ошибки, тотчасъ же ее карая; но всегда такъ деликатно, что вы не только не обижались, а старались сами помочь ему отыскать ее, зная, что его замѣчанія выведутъ васъ на дорогу изъ тѣни сомнѣнія.

— Это надо не-мно-жечко поправить! — говорилъ онъ мягко, нѣсколько растягивая это „немножечко“, требовавшее иногда грандіозныхъ поправокъ! И, поправляя, онъ читалъ цѣлыя лекціи пластической анатоміи, на память, на скелетъ, или одѣвающие ихъ мускулы и мышцы.

Большую частію, онъ приходилъ въ школу нѣсколько раньше начала занятій, и къ нему бѣжали за совѣтами всѣ, сколько-нибудь въ

нихъ нуждавшіся! Ему показывали этюды масляной живописи, композиціи, чертежи. Нѣкоторыя, въ томъ числѣ и я, изъ натурнаго по живописи класса, до прихода своего преподавателя, усаживались подъ его руководствомъ рисовать анатомическія фігуры съ гипса, и для всѣхъ у него былъ добрый совѣтъ.

Теперь мнѣ придется подольше остановиться на личности Сѣрякова, преподавателя ксилографіи или гравюры на деревѣ,—классъ, который возникъ въ школѣ въ 1865 г., когда я была уже въ натуральномъ классѣ живописи.

Сѣряковъ былъ вполнѣ самородокъ, вышедшій изъ народа и трудомъ и неослабѣваемой энергіей пробившій себѣ дорогу. Интересенъ былъ его рассказъ о томъ, когда онъ, еще юношей, поддерживая мать и теряясь безъ работы, почти умирая съ голоду, разъ увидя, какъ работалъ одинъ знакомый ему граверъ, еще не умѣя гравировать, взялъ заказъ на 15 рисунковъ и, не имѣя инструментовъ, вырѣзалъ ихъ перочиннымъ ножомъ! Кое-какъ перебиваясь заказами, онъ рискнулъ поѣхать въ Парижъ, къ знаменитому учителю Панемакеру, гдѣ страшно бѣдствовалъ, питаясь иногда одной селедкой,—не зная вначалѣ и языка;—вмѣстѣ съ матерью, поѣхавшей за нимъ и тамъ, пристроился на какой-то мизерной должности при портьершѣ того дома, гдѣ они помѣщались. Сила характера и неустанный трудъ взяли свое, и Сѣряковъ вернулся изъ Парижа мастеромъ своего дѣла, засыпанный работами, тѣмъ болѣе, что гравюра на деревѣ тогда царила, не задушенная еще цинкографіей и фототипіей. Конечно, сквозь небольшую парижскую шлифовку сильно пробивалась шереховатость прежней жизни, что временами прорывалось наружу, шокируя нѣкоторыхъ ученицъ до того, что, сначала набросившись на новинку, онѣ ретировались,—при томъ же спасовавъ передъ трудностью работы. Но я, избравъ эту спеціальность, шла по ней неуклонно; послѣ своей первой, малой серебряной медали, вызвала у Сѣрякова такое замѣчаніе, съ нѣкоторымъ намекомъ на терпѣливо переносимыя мною его рѣзкія выходки: „Вотъ на васъ оправдывается поговорка: терпи казакъ—будешь атаманомъ!“

Школа Сѣрякова была очень строгая. Онъ главное напиралъ на „тонъ“ и долго держалъ насъ на нихъ, пріучая и къ тому, чтобы „умѣть рисовать инструментомъ“. Тутъ мнѣ много помогла моя прежняя рисовка перомъ, придавшая вѣрность рукъ, а также моя близорукость, позволявшая мнѣ, гравируя, видѣть собственными глазами тѣ мелкіе штрихи, которые самъ Сѣряковъ не могъ видѣть безъ лупы, съ которой постоянно работалъ.

Черезъ годъ, уже весной, мы на столько успѣли, что Сѣряковъ намъ, первымъ ученицамъ, задалъ на лѣто композицію на стихи котораго-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, изъ деревенской жизни, что нужно было срисовать съ натуры, а затѣмъ, приведя въ извѣстную величину, самой нарисовать на доскѣ и награвировать. Я выбрала стихи Никитина „Соха“, — которая, какъ будетъ видно дальше, — была первымъ толчкомъ къ моей литературной дѣятельности. Тогда, на экзаменѣ, гравюра заслужила похвалу и предложеніе гравировать на малую серебряную медаль; но прежде чѣмъ подумать о томъ, я уже получила первую заказную работу, часть которой уступила мнѣ моя товарка, — именно къ книгѣ проф. Вагнера „Изъ природы“, издаваемой г-жами Трубниковой и Стасовой, и это, кромѣ работы, дало мнѣ возможность познакомиться съ чудной личностью Н. В. Стасовой, съ которой мы сошлись еще болѣе на тѣхъ лекціяхъ женскихъ курсовъ, что, возникнувъ осенью 1871 г., были первообразомъ „Высшихъ женскихъ“ или „Бестужевскихъ“ курсовъ.

Вскорѣ послѣ этой работы я получила большой заказъ на ботаническіе рисунки отъ профессора ботаники А. Н. Бекетова, бывшаго тогда ректоромъ университета. Работа эта продолжалась всю зиму, такъ какъ нужно было самой же ихъ нарисовать на деревѣ, сдѣлать болѣе 40 рисунковъ къ издававшейся тогда Бекетовымъ „Ботаникѣ“, включавшей самые мелкіе рисунки всевозможныхъ пальмъ; и это дало мнѣ случай часто видѣться и сойтись съ достойнѣйшимъ Андреемъ Николаевичемъ и его милой семьей. Бывало, принеся ему одни рисунки и потолковавъ о слѣдующихъ примемся мы съ нимъ толковать о разныхъ, наводящихъ на размышленія, предметахъ, касавшихся часто „злобы дня“; говоримъ, причемъ онъ все шагаетъ взадъ и впередъ по кабинету; отзывчивый на все свѣтлое, горячій, чуткій!.. Благородная была личность и въ высшей степени симпатичная!

Иногда, если я не тороплюсь куда, пойдѣмъ съ нимъ къ семьѣ, завтракать. Она умница была большая; а дѣтки тогда были невелики: старшая—подростокъ, а меньшая—крошка.

Эти самые рисунки и доставили мнѣ на экзаменѣ малую серебряную медаль и громкія похвалы со всѣхъ сторонъ, начиная съ самаго заказчика и кончая Сѣряковымъ, пришедшимъ отъ нихъ въ такой восторгъ, что говорилъ, что радуется моимъ успѣхамъ, какъ своимъ собственнымъ! Теперь я имѣла уже много заказовъ, часто приходя съ моей работой въ школу, за какимъ-нибудь совѣтомъ Сѣрякова; да и жаль было совсѣмъ оставить школу, ставшую мнѣ род-

ной! Я даже, къ моимъ прежнимъ въ ней работамъ, присоединила занятія лѣпкой, когда въ 1873 г. тамъ открылся этотъ классъ, подъ вѣдѣніемъ проф. Крейтана, отличнаго преподавателя и препочтенной въ высшей степени деликатной личности! Попробовала я даже потомъ и отливать мои глиняныя вещи изъ гипса, что вызвало страшную возню, на которую съ интересомъ сбѣжалась чуть не вся школа, особенно когда, послѣ отливки, мнѣ пришлось рубить форму!

Между тѣмъ, какъ Дьяконовъ, такъ и Сѣряковъ не переставали допекать меня тѣмъ, что я не выставляю ничего на большую серебряную медаль, и когда я согласилась, наконецъ, то, по ихъ выбору принялась за большую гравюру съ Виландова „Оберона“. Рисунокъ былъ очень мелкій, очень планистый, трудный и для рисовки, не только для гравировки. Но справилась я съ нимъ настолько хорошо, что получила большую медаль и свидѣтельство окончившей курсъ, съ предложеніемъ гравировать на золотую медаль, что давала уже не школа, а академія. Но это представляло столько трудностей и столько отняло бы у меня времени, занятаго тогда моими заказами, и кромѣ того самыми ревностными поощреніями итальянской оперы, сильно меня увлекавшей и бывшей въ самомъ апогеѣ своего блеска,—что я совершенно отказалась отъ этого предложенія, удовлетворившись своими двумя медалями. Гравюра „Оберона“ была у меня куплена художественнымъ журналомъ „Пчела“.

Теперь я дошла до объясненія, какъ мое гравированіе сыграло роль „орапжево-красныхъ“ тетрадочекъ гранильной фабрики. Этому непосредственно послужила та гравюра „Сохи“, что была мной представлена, какъ композиція на заданную тему.

Предполагавшееся было, въ мечтахъ Сѣрякова, изданіе стиховъ русскихъ поэтовъ, съ нашими иллюстраціями, не осуществилось, и наши работы остались у насъ на рукахъ. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лежанія подъ спудомъ, — именно въ апрѣлѣ 1873 года, попавшаяся мнѣ на глаза доска съ гравюрой „Сохи“ порождаетъ въ моей головѣ мысль написать къ этому рисунку дѣтскій рассказъ и отнести его въ дѣтскій журналъ, причемъ выборъ мой остановился на журналѣ „Дѣтское чтеніе“, редакторомъ котораго былъ тогда Алексѣй Ник. Острогорскій, воспитатель Пажескаго корпуса, въ зданіи котораго помѣщалась тогда и редакція журнала. Рассказъ мой понравился; тотчасъ же былъ принятъ и напечатанъ, съ просьбой стать постоянной сотрудницей журнала, что я и продолжала все время, какъ упоминала раньше, пока онъ

существовалъ въ Петербургѣ, работая для него и перомъ и рѣзцомъ.

Теперь, объяснивъ, какимъ образомъ школа, въ образѣ гравированія, повліяла на появленіе моихъ произведеній въ печати, я хочу указать еще на одно, въ ея стѣнахъ пріобрѣтенное мною пріятное знакомство, именно съ Дмитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ, секретаремъ „Общества поощренія художествъ“. Школа наша до него имѣла чисто-художественный характеръ; онъ первый внесъ въ нее—художественно-ремесленный. Ревностно начавъ посѣщать школу, Д. В. сначала пришелъ въ восторгъ отъ работъ ученицъ; восхищался ихъ дѣльными замѣчаніями, въ первый разъ пройдясь съ нами по постоянной выставкѣ, помѣщавшейся въ домѣ, въ одномъ этажѣ со школой и даже съ ней соединенной. Выражалъ онъ и желаніе прочесть намъ рядъ лекцій по искусству и обходить съ нами всѣ открывавшіяся выставки. Какъ теперь вижу его подвижную фигуру съ живой, несмолкаемой рѣчью, быстро переходящаго изъ класса въ классъ, заглядывая то тутъ, то тамъ, разсыпая замѣчанія, приправленные любезностью, сглаживавшею рѣзкость замѣчанія, иногда разсыпаясь блестящей французской фразой. Но, расточая любезности передъ произведеніями ученицъ, Д. В. однако не оставлялъ своей первоначальной идеи и понемногу приводилъ ее въ исполненіе.

— Это все конфетки, изумрудныя брошки!—вскорѣ заговорилъ онъ про наши композиціи и акварельные пейзажи, изощряясь въ оригинальности выраженій, — имъ гораздо полезнѣе сочинять барельефы и рамки, рисовать все то, что можетъ представить художественно-ремесленный интересъ, болѣе производительный и практичный!

Нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей возмущались такимъ взглядомъ, считая его посягательствомъ на святыню искусства; отстаивая за школой характеръ исключительно художественный; имъ вторили и ученицы. Но, открывавшіеся вслѣдъ затѣмъ, одинъ за другимъ, классы: гравированія, лѣпки, живописи на фарфорѣ, керамики, рѣзбы изъ дерева, тисненія по кожѣ, классы „Nature morte“ и декоративный,—скоро примирили всѣхъ съ этими нововведеніями, показавъ, что отъ ихъ практичности не страдала часть художественная, не исключала возможности желающимъ предаться „чистому“ искусству. Часто посѣщая школу, Д. В. всегда былъ готовъ любезно предложить ученицамъ всякую помощь, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась: былъ ли то личный совѣтъ или нужное руководство. Предполагавшіяся, однако, имъ лекціи не состоя-

лись, но онъ не разъ вмѣстѣ съ нами ходилъ въ академію на выставки, до ихъ открытій для публики, а разъ мы съ нимъ сдѣлали обзоръ скульптурнаго отдѣла Эрмитажа.

Здѣсь Д. В. проявилъ себя не только знатокомъ, прилежно и фундаментально изучившимъ то, о чемъ говорилъ, но и блестящимъ рассказчикомъ, пересыпавшимъ серьезное анекдотами изъ жизни мастеровъ, о которыхъ говорилъ. Въ этихъ рассказахъ передъ нами вставали великія тѣни геніевъ искусства, творившихъ не для славы мірской, а для искусства! Намъ казалось, что мы видимъ, какъ дрожитъ мраморъ при приближеніи къ нему гиганта Микель-Анджело, съ его титаническимъ молотомъ, нѣсколько ударовъ котораго, по безобразно разбитой глыбѣ мрамора, создали то чудо анатоміи, въ склоненной фигурѣ человѣка, передъ которой тогда мы стояли.

Но рассказчикъ предлагалъ намъ отдохнуть. Мы рассаживались по диванамъ и кресламъ верхней галлерей Эрмитажа и Д. В. одинъ, неутомимый, продолжалъ свои рассказы, выхваченные изъ другой сферы, болѣе легкой, коснувшись какого-нибудь эпизода изъ его многочисленныхъ путешествій. И вотъ, передъ вами рисовалось яркое небо Испаніи съ горячей нѣгой, напоеннаго ароматомъ цвѣтовъ, воздуха, съ причудливой архитектурой домовъ и храмовъ, и какъ мимолетный, веселый аккордъ гдѣ-нибудь на высокомъ балконѣ онъ ставилъ красавицу испанку съ алой розой, въ черныхъ, какъ ночь, волосахъ, а гдѣ-то томно звучала гитара и звукъ ея таялъ въ золотистой мглѣ горячаго воздуха... Къ сожалѣнію, слѣдующія, предполагавшіяся наши прогулки съ Д. В. по Эрмитажу не состоялись!..

Но и среди своихъ новыхъ заботъ по устройству новаго помѣщенія школы и открывавшагося тамъ музея, Д. В. по-прежнему готовъ былъ оказать вниманіе ко всѣмъ приходившимъ къ нему за совѣтомъ ученикамъ и ученицамъ, даже уже оставившимъ, какъ я, — школу. Поэтому мои сношенія съ Д. В. не прекращались, и я всегда находила въ немъ все того же, въ высшей степени любезнаго и предупредительнаго совѣтника, интересовавшагося моими занятіями, какъ литературными, такъ и художественными. Когда я писала для старшаго возраста журнала „Игрушечка“ — „Исторію искусства“¹⁾, я зашла къ Д. В. посоветоваться насчетъ руко-

¹⁾ Теперь это вышло отдѣльной книгой, подъ именемъ «Есть міръ искусства».

водствѣ. Онѣ встрѣтилъ меня, какъ всегда, очень любезно, очень заинтересовался моей работой и предложилъ мнѣ приходить заниматься въ богато-снабженную всѣми руководствами бібліотеку при музеѣ.

— Мы вамъ тутъ устроимъ чудесное мѣстечко,—говорилъ онѣ съ привѣтливой улыбкой, — все будетъ къ вашимъ услугамъ и я самъ тоже. Только ужъ вы насъ не оставляйте!

Онѣ очень дорожилъ ученицами, не забывавшими школу, а смотрѣвшими на нее, какъ на что-то близкое!

VI.

Между тѣмъ, сотрудничество мое въ „Дѣтскомъ чтеніи“ продолжалось и при слѣдующемъ редакторѣ журнала, двоюродномъ братѣ прежняго — Викторѣ Петровичѣ Острогорскомъ, о которомъ я уже упомянула вначалѣ. Извѣстный педагогъ и писатель, умница онѣ былъ поэтомъ въ душѣ, съ тѣмъ полетомъ въ высь, что такъ характеризовалъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, иногда, можетъ быть, и не чувствовавшихъ почву подъ ногами, но за то и не пачкавшихъ той грязью, въ которой такъ любятъ копаться современные реалисты! В. П. былъ изъ послѣднихъ могиканъ Тургеневской эпохи, обожавшій Пушкина и умилавшійся передъ идеалами Тургенева. Любила я съ нимъ поговорить и помимо редакціонныхъ вопросовъ, и залетали мы за облака, отрезвляясь отъ сѣрой сутолоки повседневной жизни!

Радовало меня и то, что онѣ былъ доволенъ моими вещами; такъ что, скажу не хвастаясь, что за весь длинный періодъ нашей совмѣстной работы, не было статьи, которую онѣ бы не одобрилъ.

— Я вѣдь всегда—говорилъ онѣ,—эти рукописи читаю, собравъ вокругъ себя ребятишекъ. Какъ эти судьи интересуются,—такъ и рѣшено: посылай въ типографію!

Успѣхъ въ одномъ журналѣ далъ мнѣ смѣлость обратиться и къ другому, а именно: къ журналу „Семейные вечера“,—издававшемуся Кашперовой, сразу принявшей меня съ распростертыми объятіями. Кашперова была интересной женщиной; очень образованной, съ которой всегда было пріятно поговорить. Немного саркастическая, очень энергичная, она ловко устраивала свои дѣла; много работая для журнала и сама; отлично владела языками и помѣ-

щала свои переводы. Она всегда была ко мнѣ мила и исправна и я сохранила съ ней хорошія отношенія, долго работая въ ея журналѣ и оставивъ его только тогда, когда онъ нѣсколько измѣнилъ направленіе, ставшее менѣе симпатичнымъ.

Отдавшись по преимуществу дѣтской литературѣ, захотѣлось мнѣ попробовать свои силы и въ литературѣ для взрослыхъ, и первымъ моихъ произведеніемъ былъ драматическій рассказъ „На скамѣхъ подсудимыхъ“,—написанный подъ впечатлѣніемъ одного, надѣлавшаго тогда большого шума, процесса, главные герои котораго были мнѣ извѣстны; а къ исторіи героини я присоединила еще черты жизни другой, знакомой мнѣ особы. Эту вещь я рѣшила снести въ газету „Новое время“, передавъ ее самому редактору А. С. Суворину. Придя къ нему въ назначенный имъ день за отвѣтомъ, я узнала, что вещь принята, при чемъ А. С. любезно добавилъ:

— Это такъ живо написано, будто вы сами все это пережили!

Статья была напечатана въ двухъ фельетонахъ; а пока я отдала другой, уже написанный мною, рассказъ „Роковое“—въ газету „С.-Петербургскія Вѣдомости“, гдѣ онъ былъ тотчасъ же напечатанъ, а вслѣдъ за нимъ и другой: „Не распвѣла“. Много въ то время работая для дѣтскихъ журналовъ, при томъ и гравирова и рисуя акварелью съ натуры разныхъ насѣкомыхъ, для энтомологическаго общества,—при чемъ иногда приходилось работать и съ микроскопомъ—я, только урывками могла писать для взрослыхъ, хотя это было мнѣ тоже заманчиво. Кромѣ того, я чувствовала, что послѣ такой литературы, требовался интервалъ, чтобы снова встать на ту степень простоты,—безъ педантизма,—съ которой надо говорить дѣтямъ.

Не помню теперь, по чьему совѣту, отнесла я одинъ рассказъ въ толстый журналъ „Русская рѣчь“, издававшійся Навроцкимъ. Рассказъ ему понравился; но вслѣдствіе выше-изложенныхъ причинъ,—я могла только изрѣдка давать ему другіе, вызвавъ даже у него замѣчаніе, что „я даю ему чрезъ часъ по ложкѣ“.

Просьбу же его написать ему романъ не могла совсѣмъ исполнить, находя этотъ трудъ,—требовавшій полной выдержки характеровъ и ясности отношеній, выведенныхъ личностей, другъ къ другу, съ выполненіемъ полной картины, а не фигуръ калейдоскопа—не подъ силу! Я съ удовольствіемъ работала въ этомъ миломъ журналѣ, встрѣтивъ и въ самомъ Навроцкомъ очень образо-

ваннаго человѣка, и мнѣ было жаль, когда онъ,— по домашнимъ обстоятельствамъ—прекратилъ его. Но судьба, затѣмъ, натолкнула меня на другого симпатичнаго издателя-редактора,—И. В. Скворцова, издававшего „Еженедѣльную газету“, съ приложеніемъ журнала „День“. Ивану Васильевичу такъ нравились мои маленькіе рассказы, онъ такъ цѣнилъ мой трудъ и довѣрялъ мнѣ, что когда я, сначала, приходила къ нему за отвѣтомъ, онъ спокойно говорилъ мнѣ:

— Да вѣдь я ваши вещи прочитываю въ корректурѣ!

Пріятно было работать и съ Л. Оболенскимъ, тогда редакторомъ журнала „Русское богатство“. Оболенскій былъ чисто-русскій человѣкъ, именно: „душа-человѣкъ“, который и руку-то пожималъ душевно, крѣпко, какъ пожимаютъ безхитростные люди! Помѣщала я кое-что въ „Русской Старинѣ“,—„Историческомъ вѣстникѣ“ и долго работала для „Наблюдателя“—пока онъ не измѣнилъ своего направленія ¹⁾. Много пищи для моей литературы давало мое многолѣтнее служеніе на помощь „малымъ симъ“ изъ нищей братіи; бывъ членомъ-попечительницей, а позднѣе и членомъ Совѣта, въ одномъ—именно при Соборѣ Спаса Преображенія,—приходскомъ Обществѣ вспоможенія бѣднымъ.

Много мрачныхъ картинъ безысходной бѣдности пришлось видѣть мнѣ, обходя эти ужасные подвалы и взлѣзая на столь же ужасные чердаки, гдѣ гнѣздилась въ смрадныхъ углахъ петербургская голь; гдѣ росли эти несчастныя дѣти, гдѣ догорали, искалѣченные нуждой, старухи и старики, среди удушающаго подобія воздуха; среди сырости, не только зеленой мозаикой плѣсени покрывавшей стѣны, по выступавшей грязной водой, сквозь щели половъ, при болѣе сильномъ нажатіи ихъ ногой. Здѣсь, въ этомъ разгулѣ нужды и разврата, я воочію убѣдилась въ томъ, насколько были не преувеличены до того только читаемые мною рассказы, вродѣ „Петербургскихъ трущобъ“ и прочаго!

Очень пріятнымъ событіемъ было мое знакомство съ Е. А. Сысоевой, первой издательницей и редакторомъ журнала „Воспитаніе и обученіе“,—нынѣшній „Родникъ“,—которая сама, письмомъ, просила моего сотрудничества въ ея журналѣ, на что я тотчасъ же охотно отозвалась. Большая умница, многосторонне образованная

¹⁾ Въ журналѣ „Русская мысль“ была помѣщена статья „Мои воспоминанія объ артистѣ Эрнесто Росси“, съ которымъ мы были въ очень дружескихъ отношеніяхъ.

и серьезно развитая, вполне передовая и при томъ чисто-русская (даже своей симпатичной, свѣжей, открытой фizioноміей), чрезвычайно живая, чуткая,—она сразу располагала къ себѣ, и бесѣды съ ней вносили неослабѣвающій интересъ! И почти въ одно время состоялось мое знакомство съ Т. П. Пассекъ.

Объявленіе объ открытіи ея журнала „Игрушечка“ какъ разъ совпало съ только-что прочтенными мною въ журналѣ „Русская Старина“,—ея записками „Изъ дальнихъ лѣтъ“ и, подѣ обаяніемъ этого чтенія, я тотчасъ же помчалась къ ней, съ предложеніемъ моего сотрудничества въ ея журналѣ, что было встрѣчено самымъ сердечнымъ сочувствіемъ, и тотчасъ же установило нашу, не слабѣвшую, но все увеличивавшуюся съ нею, дружбу. Не буду повторяться, отдавъ печати,—какъ я уже писала,—мои воспоминанія о дорогой старушкѣ, но не могу здѣсь не коснуться нѣкоторыхъ сторонъ, касавшихся, какъ ея личной характеристики, такъ и совершенно характеризовавшей ее, ея обстановки, въ старинномъ домѣ на Малой Подъяческой.

— Она и домъ-то умѣла подыскать какой-то особенный, московскій!—говорила одна наша общая знакомая.

И точно: домъ стоялъ за рѣшкой, во дворѣ, съ отдѣльнымъ въ ея квартиру подъѣздомъ и невысокой деревянной лѣстницей. Мебель въ ея спальнѣ была самая старинная; а у кровати, на которой она часто занималась полу-лежа,—стоялъ простой некрашеный столъ. Ходила Т. П. всегда въ широкой ситцевой блузѣ, на кокеткѣ, обшитой по шеѣ бѣлой фрезкой; съ широкими рукавами, застегнутыми у кистей рукъ узкими обшивочками. Чепцовъ она не любила, а дома надѣвала на голову бѣлый полотняный платокъ, туго подвязанный узломъ подъ подбородкомъ.

— Люблю такіе старенькіе, мягкіе; хоть вотъ и дырявенькій ужъ, а мякенькой, пріятный!—скажетъ, затягивая потуже узелокъ, чтобы платокъ не сползалъ.

„Несмотря на тотъ кружекъ высоко образованныхъ „западниковъ“,—писала я о ней въ своей статьѣ,—среди которыхъ вращалась при жизни мужа, и на долгое пребываніе, въ различные періоды, за границей, послѣ его смерти,—Т. П. была вполне русская натура, со всѣми симпатіями и привычками русскаго человека 30 и 40-хъ годовъ и, при этомъ, она была одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыхъ мы обобщаемъ именемъ „идеалистовъ сороковыхъ годовъ“. Въ ней все было коренное русское: складъ рѣчи, манера говорить; русскій юморъ, русская безшабашная доверчивость, широкое гостепріимство, съ девизомъ: „все, что есть

въ печи, то на столъ мечи“, широкое сердце и беззавѣтная любовь къ родинѣ. Она, своимъ глубокимъ, выдающимся умомъ, вполнѣ цѣнившая европейскую цивилизацію, сочувственно воспринимавшая все свѣтлое, чѣмъ дарилъ насъ западъ, въ то же время чутко слѣдила за всякимъ успѣхомъ въ русскомъ обществѣ, готовая чѣмъ можетъ поддержать молодой русскій талантъ, восхищаясь по-дѣтски всякому, иногда даже сомнительному проявленію такого таланта. Воздавая должное хорошему западному, она обожала все русское, начиная съ лежанки, шей съ головизной и гусиныхъ полотковъ, до русской пѣсни, что звучитъ заунывной струной подъ необозримыми полями родной стороны. Она хранила въ кладенцѣ своей необыкновенной живсой памяти всѣ обычаи, преданія, всѣ мелочи, относящіяся до обстановки жизни баръ своего времени, и въ то же время это была одна изъ гуманнѣйшихъ женщинъ, на которую барство не наложило печати, и она къ самому простому человѣку относилась съ тѣмъ же привѣтомъ, какъ ко всѣмъ. Впрочемъ, она, казалось, вся состояла изъ любви, всепрощенія и безграничнаго снисхожденія къ людямъ. Философіи тоже было у нея много, совсѣмъ не женской, также какъ энергіи и замѣчательной силы воли, которыя и поддерживали это маленькое, старческое тѣло“.

Гостепріимна она была также совсѣмъ по-русски. Только-что, бывало, явишься къ ней утромъ, и первымъ вопросомъ, послѣ „здравствуй“, было: ты со мной пообѣдаешь?

Если отвѣтъ былъ отрицательный, то я награждалась эпитетомъ: — ну, и выходить, что ты тетеря!

При прощаньи тоже непременно прибавлялось: — Пріѣзжай, голубчикъ, ко мнѣ на цѣлый день, пообѣдать. Хочешь, щи кислые закажу съ кашей? А то и пирогъ загнемъ; бабушка и это можетъ!

Она такъ и слыла общей бабушкой. Къ ней ѣхали и за совѣтомъ, и со своими слезами и горестями, и для всѣхъ у „бабушки“ было теплое слово! Пріѣзжали даже совсѣмъ незнакомые ей люди. Иногда устанетъ она, послѣ просмотра статей, да посѣщеній разныхъ; взберется на постель съ ногами, спустивъ теплые бархатные сапожки, какъ снова звонокъ: новый визитъ.

— Да вы бы, Т. П., отказали!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, какъ можно! Можетъ, издалека пріѣхали, видѣть меня хотятъ, а я откажу!

Самое лучшее время для нашихъ совмѣстныхъ занятій было уже послѣ обѣда, когда мы оставались съ ней вдвоемъ. Станемъ перебирать статьи, которыхъ накоплялось много; я ей читала.

— Мило! Это мы возьмемъ,—говорила она повременамъ, слушая мое чтеніе; или: нѣтъ, это прочь, не надо!

Поработаемъ, а тамъ примемся бесѣдовать. О чемъ только, бывало, не переговоримъ, отъ гусиныхъ полотковъ до философскихъ вопросовъ включительно! Много она тоже рассказывала изъ своего прошлаго; о разныхъ эпохахъ изъ своей и чужой жизни. Рассказывала она прелестно; рѣчь лилась свободно, просто и красиво, и люди выходили совсѣмъ живыми. Много было тоже юмора въ ея рассказахъ, такъ что мы обѣ, нерѣдко, принимались хохотать.

Горничная Даша принесетъ чайный сервизъ и ставить его попросту, безъ скатерти, на некрашенный столъ у кровати, на которой лежитъ старушка. Съ боку приставляется некрашенный же табуретъ, на которомъ появляется пузатый желтый самоваръ. Тихо кругомъ; только замирая, вытягиваетъ самоваръ однообразныя ноты, подъ которыми, не замолкая, кипитъ наша бесѣда, да изъ столовой, повременамъ, покрикиваетъ часовая кукушка...

VII.

Въ „Татьянинъ“ день,—12 января,—день именинъ старушки, у нея было, что называется: нетолченная труба! Что народу у нея въ этотъ день перебываетъ—такъ и не перечесть! Тутъ бывали и старики, — писатели, что бабушку не забывали: и Салтыковъ (Щедринъ) и Лѣсковъ; Семевскій, Терпигоревъ (Атава), и только-что нарождавшіеся юнцы. Тутъ я встрѣчала и Мердеръ, и Самойловичъ, не говоря уже о всѣхъ сотрудникахъ и сотрудницахъ „Игрушечки“. Шло угощеніе,—надо признаться,—самое безалаберное, вѣнцомъ которому было одно: когда неумѣлая горничная, приступивъ къ варкѣ шоколаду, на одну его плитку влила пять бутылокъ молока. Общими силами, съ прибавкой всего отыскавагося въ домѣ, у дѣтей ¹⁾ шоколада, а также и принесеннаго въ подарокъ, удалось устроить приличный напитокъ, а въ приносимыхъ сладкихъ пирогахъ и пирожкахъ—недостатка не было. А кругомъ шла шумная бесѣда и веселый говоръ.

Живя лѣтомъ на дачѣ, Т. П. вела ту же трудовую жизнь, что

¹⁾ Т. П. жила вмѣстѣ со своей невѣсткой, вдовой ея сына Владиміра, и ея двумя дѣтьми.

и въ городѣ; рѣдко выходя прогуляться даже въ свой садъ. Но, разъ выйдя, она восхищалась всякой травкой-муравкѣй. Все наводило ее на размышленіе.

— Какая во всемъ гармонія, стройность,— говорила она, и глаза ея блестѣли восторгомъ,—и въ то же время величіе и простота! Возьми ты съ самаго малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи, всѣ животныя, все это развивается, крѣпнеть; вотъ тоже какъ дерево раскидывается вѣтвями, растетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется, расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра расходятся и все шире и шире становится!

Въ гнѣздѣ подъ крышей прошебечетъ ласточка, изъ лѣсу заунывное „ку-ку“ раздается, и старушка моя умиляется, и младенческая улыбка заиграетъ на ея губахъ...

Съ весны 1887 г. Т. II. стала чаще прихварывать и слабѣть, такъ что, не окончивъ года, сдала „Игрушечку“ А. Н. Тюфлевою ¹⁾). Но она не почила на лаврахъ, а приступила къ разбору своихъ бумагъ, думая кое-что отдѣлать и напечатать, особенно остановившись на давно задуманной ею статьѣ „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“,—нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Надъ ней мы и начали съ нею работать, такъ какъ она непремѣнно хотѣла ее проредактировать вмѣстѣ со мной. Душа ея еще была такъ молода и свѣжа, что, несмотря на слабость физическихъ силъ, она постоянно жила иллюзіями, заглядывая далеко впередъ; мечтая и о продолженіи своихъ записокъ,—которые довела до конца, а затѣмъ и объ изданіи того энциклопедическаго журнала для юношества, который когда-то задумалъ ея покойный мужъ, Вадимъ Васильевичъ. Она все еще чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобы держать свою „свѣчечку“.

— Всякій долженъ держать свою свѣчечку, какая по рукѣ придется,—говорила она,—да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ, и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Такъ-то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка“—маленькая свѣчечка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разливаетъ. Отъ нея дурному никто не

¹⁾ Нынѣ Пѣшкова-Голливѣрова.

научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчку и держи крѣпко!

Иногда на нее находили минуты тоски.

— Устала я—говорила она, отъ всей жизни устала; хочется и на покой! Знаю, что ты поплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку.—Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!

Взгляды ея стали теперь еще болѣе глубокими и философскими.

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ,—и все думаю, все думаю... и такъ я до многого теперь додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, также я послѣ болѣзни лежала и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣляться лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому-то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь тоже ощущаю... И знаешь,—добавила она, таинственно, —говорятъ, что къ старости глупѣютъ, а я, напротивъ, поумнѣла!..

О своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ она говорила совершенно спокойно, не переставая работать, за двѣ недѣли до смерти продиктовавъ послѣднія страницы своихъ записокъ.

Давно хотѣлось всѣмъ намъ имѣть портретъ нашей дорогой бабушки, но она рѣшительно отказывалась снять съ себя фотографію; и послѣ долгихъ упрасиваній согласилась только на то, чтобы Елизавета Меркурьевна *Бемъ* сдѣлала съ нея силуэтъ. Я уже до знакомства съ Т. П. находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашей прелестной художницей и такимъ же прелестнымъ человѣкомъ, а также съ ея сестрой Любовью Меркурьевной *Эндауровой*, чудные цвѣты которой, появляясь на выставкахъ, кажется, разливаютъ на нихъ свой ароматъ. Большую симпатію почувствовала къ нимъ и Т. П. при знакомствѣ съ ними, особенно питая нѣжность къ Елизаветѣ Меркурьевнѣ, всегда восхищаясь и ея исключительнымъ, проникнутымъ чувствомъ, поэзіей и фантазіей—талантомъ и къ ней самой и всегда съ радостью ее принимая у себя.

Но сеансъ тогда все же не состоялся. Теперь, видя, что старушка все слабѣетъ, мы съ Елизаветой Меркурьевной энергичнѣе принялись за дѣло, и въ началѣ марта 1889 г., за три недѣли до кончины Т. П., мы сговорились въ одно утро съѣхаться у нея, не встрѣтивъ съ ея стороны никакого препятствія. Уложили ее поуютнѣе, и Е. М. принялась рисовать, не силуэтомъ, а просто аква-

релью, сепіей; а я сѣла поближе къ Т. П., чтобы занимать ее разговорами. Вспоминая, какъ ее прежде какъ-то мучали, когда она позировала два раза для портретовъ, одинъ изъ которыхъ остался въ эскизѣ, а другой вышелъ очень неудачнымъ, она говорила про Елизавету Меркурьевну:

— Лиза меня не мучаетъ; а вотъ тѣ ужъ мучали; все нужно было передъ ними позировать; бывало, какъ устанешь!

Портретъ Е. М. вышелъ поразительнымъ, по сходству и выраженію, какъ и все выходящее изъ - подъ кисти нашей дорогой художницы! Т. П. пожелала его видѣть и очень осталась имъ довольной.

Вскорѣ это дорогое, такъ ласково всегда улыбавшееся намъ лицо предстало намъ въ своемъ спокойствіи вѣчнаго безмолвія, будто говорившаго: „Ахъ, какъ хорошо такъ отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и земного горя!“

VIII.

Черезъ годъ послѣ моего знакомства съ Татьяной Петровной, память о которой сохранилась неизмѣнно въ моемъ сердцѣ,—я познакомилась съ Иваномъ Сергѣевичемъ *Тургеневымъ* ¹⁾. Встрѣтитъ когда-нибудь лицомъ къ лицу моего любимаго художника - поэта было моей мечтой съ самой юности, когда я зачитывалась его художественными произведеніями! Оно осуществилось въ послѣдній пріѣздъ Ивана Сергѣевича въ Петербургъ весною 1881 г. и вотъ при какихъ обстоятельствахъ, кромѣ описанной мною въ вышеупомянутой мною статейкѣ моей первой съ нимъ встрѣчи, когда я пришла къ нему, въ его бесѣдѣ отдохнуть отъ гнетущаго впечатлѣнія, навѣяннаго трагическимъ событіемъ 1-го марта,—послѣдовали и мои дальнѣйшія посѣщенія моего любимаго поэта.

Незадолго до его пріѣзда въ Петербургъ я, посѣщая тогда школу ради класса лѣпки, работая и глиной и воскомъ, начала изъ воску лѣпить барельефомъ съ фотографіи силуэтъ Ивана Сергѣевича, окруженный орнаментами моей композиціи. Когда онъ пріѣхалъ, вещица была почти готова и я, придя въ школу, показала ее Д. В. Григоровичу, какъ я уже говорила раньше, всегда интересовавшемуся моими работами, рассказавъ ему при томъ о моемъ съ нимъ знакомствѣ. Д. В. со всегдашней своей любезностью,

¹⁾ Маленькая статейка объ этомъ знакомствѣ была помѣщена въ „Историческомъ вѣстникѣ“.

разсыпался въ похвалахъ; сдѣлалъ кое-какія замѣчанія, а потомъ говорятъ:

— Хорошо бы вамъ его лицо закончить съ натуры! Теперь-то онъ боленъ; такъ вы пока хорошенько вырисуйте остальное, а потомъ я доставлю вамъ случай полѣпить его съ натуры.

Нечего и говорить о томъ, что засѣло у меня въ головѣ и придало собственной рѣшимости. Узнавъ на тѣхъ же дняхъ отъ Е. М. Бемъ, что она была у него, и показала ему свои силуэты къ „Запискамъ охотника“ (отъ которыхъ онъ былъ въ восторгѣ), я въ тотъ же день написала ему, съ посыльнымъ, письмо, излагая причину, почему хотѣла бы его навѣстить, и спрашивая, когда онъ могъ бы принять меня? Съ тѣмъ же посыльнымъ я получила отвѣтъ: „Если вамъ угодно пожаловать ко мнѣ въ воскресенье между 12-ю ч. и 1 ч., то я съ великимъ удовольствіемъ приму васъ“.

Работа моя очень заинтересовала Ивана Сергѣевича. Онъ долго, со всѣми подробностями разсматривалъ ее.

— На сколько я понимаю, это очень хорошо; и на сколько знаю свое лицо, это похоже,—даже очень похоже! подтвердилъ онъ рѣшительнымъ тономъ. Вы мнѣ скажите, какъ мнѣ сѣсть, чтобъ вамъ было удобнѣй.

Но я позаботилась о томъ, чтобы ему было удобнѣй. Сидѣлъ онъ прекрасно, что не мѣшало намъ съ нимъ бесѣдовать о различныхъ предметахъ, начиная съ его твореній и кончая политикой и славянофильствомъ... Иногда моя работа прерывалась приходомъ нѣкоторыхъ посѣтителей. Такъ, разъ, явилось нѣсколько студентовъ просить его написать что-нибудь въ разрѣшенный тогда имъ журналъ; на что онъ отвѣчалъ, что у него ничего нѣтъ, да и вообще нѣтъ никакой охоты писать.

— Для васъ-то бы я ужъ, конечно, написалъ. Вотъ, можетъ быть, потомъ что-нибудь изъ моихъ воспоминаній въ Московскомъ университетѣ. Я вѣдь туда поступилъ рано,—шестнадцати лѣтъ.

Они стали просить, чтобы онъ написалъ о Герценѣ и Бакунинѣ.

— Но вѣдь если бы я и написалъ про нихъ,—отвѣтилъ онъ, спокойно,—то вамъ этого вѣроятно не позволили бы напечатать.

Они заговорили о недавней лекціи Соловьева и упомянули о нигилизмѣ.

— Это не совсѣмъ вѣрно,—замѣтилъ онъ: теперь уже нельзя говорить о нигилизмѣ въ томъ смыслѣ, какъ говорили прежде. То, что видимъ мы нынче, это не нигилизмъ, а терроризмъ.

Во время нашихъ съ нимъ разговоровъ, коснувшись крайнихъ славянофиловъ и ихъ направленія, онъ замѣтилъ:

— Вѣдь они совсѣмъ не знаютъ народа! Я помню, какъ Кон-

стантинъ Аксаковъ терялся, заговаривая съ крестьянами. Но онъ былъ все же... честнѣе; а эти всѣ поступаютъ въ высшей степени возмутительно! И затѣмъ эти нелѣпые нападки на все западное! Я помню, какъ покойный Достоевскій разъ набросился на слово „конституція“.—Да что вы кипятитесь изъ-за названія-то?—говорю я ему, и что это за поворотъ назадъ, ко всему прежнему, до-Петровскому? Хотя бы они подумали о томъ, что тогда нужно будетъ возвратить къ прежнему и нашъ прекрасный богатый языкъ, который до временъ Петра былъ такъ тяжелъ и который съ Пушкина развился такъ богато, сложился такъ поэтично!

Очень онъ былъ доволенъ, когда я передала ему въ разсказѣ о нашемъ путешествіи по Швеціи и Норвегіи, о томъ на сколько тамъ интересуются его произведеніями, которыя всѣ переведены на норвежскій языкъ, при чемъ особенно любятъ его „Рудина“. На мой вопросъ о томъ, которыя изъ его твореній онъ болѣе любитъ, онъ отвѣчалъ:

— Знаете, отвѣтить на такой вопросъ для меня затруднительно. Хотя повидимому мнѣ дороги всѣ мои произведенія, какъ мои дѣти; но, когда случается мнѣ ихъ просматривать всѣ, при новомъ изданіи, то прежде всего является недовольство. Все кажется, что многое недостаточно выработано; сшито бѣлыми нитками; многое недосказано. Интереснѣе слышать мнѣніе другихъ.

Когда я при этомъ заговорила о моемъ предполагаемомъ рисункѣ, съ его портретомъ посреди, окруженнымъ сценками изъ его сочиненій и назвала тѣ, что выбрала, онъ, выслушавъ внимательно, замѣтилъ:

— Я нахожу, что вашъ выборъ очень хорошъ ¹⁾!

Въ мое послѣднее къ нему посѣщеніе, за нѣсколько дней до его отъѣзда въ деревню, я поднесла ему мое коротенькое стихотвореніе съ его акростихомъ. Онъ былъ очень тронутъ; такая свѣтлая улыбка озарила его лицо, когда онъ прочиталъ стихи.

— Я не стою этого!—проговорилъ онъ, съ чувствомъ. Очень, очень вамъ благодаренъ!

Но мое стихотворное вдохновеніе, возбужденное твореніями художника-поэта, не ограничилось однимъ акростихомъ, вылившись въ большемъ стихотвореніи, въ которомъ я воспѣвала главные изъ его твореній и ихъ героевъ.

¹⁾ Избранныя мною сценки были: двѣ изъ „Записокъ охотника“—Пѣвцы и Бѣжинъ лугъ. Четыре изъ повѣстей: „Фаустъ“, „Ася“, „Первая любовь“ и „Затишье“, 4 изъ романовъ: „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунъ“, „Отцы и дѣти“.

Перекидываясь изрѣдка письмами съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я ко дню его рожденія послала ему за границу какъ это стихотвореніе такъ и эскизъ перомъ предполагавшагося мною рисунка съ его портретомъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ такимъ письмомъ: „Примите мою искреннюю благодарность за вашъ прекрасный, изящный подарокъ. Память ваша обо мнѣ меня сердечно тронула. Я счастливъ тѣмъ, что мои вымыслы могли внушить вамъ такіе гармоническіе и красивые стихи. Вотъ настоящая награда писателю! Сдѣланный вами выборъ сценокъ, долженствующихъ окружить мой портретъ, кажется мнѣ весьма удачнымъ—и въ аллегорической рамкѣ цвѣтовъ и растеній я признаю руку художника и поэтическое чувство женщины. Еще разъ благодарю васъ и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и нелицемѣрной преданности“.

Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ его записочки, въ отвѣтъ на мои вопросы объ его здоровьи, становились все безотраднѣй. Последняя, полученная мною отъ него записочка въ февралѣ 1833 г. была написана уже карандашомъ. „Искренне благодарю васъ за сочувствіе,—писалъ онъ; имѣю сказать вамъ, что операцію я перенесъ благополучно, но старый мой недугъ вернулся съ такой силой, что я принужденъ лежать и пишу даже съ трудомъ. Быть можетъ, дѣло поправится, но надежду на возвращеніе въ Россію, кажется, надо оставить ¹⁾). Желаю вамъ всего лучшаго и прошу принять увѣреніе въ моемъ сердечномъ уваженіи“.

Между тѣмъ окончивъ свой рисунокъ и снявъ съ него фотографію, я одну изъ нихъ послала, въ маѣ мѣсяцѣ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Крымъ, ему въ Bougival. Не имѣя отвѣта и желая узнать, получилъ ли онъ ее, я, среди лѣта, опять написала туда. Но на это письмо мнѣ отвѣчала М-е Віардо, уже послѣ его кончины, послѣдовавшей 22 августа.

„Я очень ясно помню, что видѣла посланную вами фотографію,—писала она,—въ рукахъ нашего дорогого усопшаго, но онъ былъ уже такъ слабъ въ это время, что могъ только улыбнуться, проговоривъ: „Какъ это любезно“; но уже не могъ написать вамъ благодарность за ваше милое вниманіе. Позвольте мнѣ сдѣлать это вмѣсто него, прося васъ принять увѣреніе въ моихъ самыхъ искреннихъ чувствахъ“.

Въ концѣ письма она добавляла: „На-дняхъ его драгоценные

¹⁾ Въ одно изъ моихъ съ нимъ свиданій въ Петербургѣ, Н. С. говорилъ, что теперь намъреваается каждый годъ, хотя не надолго, пріѣзжать въ Россію.

останки будутъ перевезены къ вамъ, въ Петербургъ. Я вамъ искренне завидую“.

Мнѣ пришлось проводить эти дорогіе останки отъ станціи Варшавской дороги до Волковского кладбища, идя депутаткой съ вѣнкомъ отъ „Игрушечки“. Неизмѣнно-внимательный Д. В. Григоровичъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и, увидя, при входѣ на кладбище, меня съ вѣнкомъ, въ депутаціи, поставилъ насъ у самой могилы, среди цвѣтовъ которой и нашелъ покой нашъ любимый художникъ-поэтъ, давшій столько высокаго наслажденія своей теплой, вдохновенной музой!

Стоя такъ близко у могилы, я хорошо могла слышать всѣ, говорившіяся надъ нею рѣчи, самой прочувствованной изъ которыхъ была рѣчь Д. В. Григоровича, сказавшаго, между прочимъ, что они „никогда не расходились, хотя и разставались“.

Теперь оба легли подъ сѣренькимъ небомъ любившаго ихъ сѣвера; обоихъ покрылъ бѣлый, снѣжный саванъ... Лежатъ они такъ близко другъ отъ друга, что, поднявшись, могутъ протянуть другъ другу руки и, смѣло поднявъ, осязанныя сѣдинами головы, сказать:

„Братъ! Мы честно служили родной странѣ и заслужили ея сердечное спасибо!“

С. Лаврентьева.

